

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Кузьмина Ю.А. — Репрезентация немца в дискурсивном поле русского классического литературного канона // Философия и культура. – 2023. – № 8. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.8.43695 EDN: VGQJ TZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43695

Репрезентация немца в дискурсивном поле русского классического литературного канона

Кузьмина Юлия Алексеевна

магистр, кафедра культурологии, Российский государственный гуманитарный университет

109544, Россия, Московская область, г. Г. Москва, ул. Вековая, 21, строение 1, 3

✉ kuzminaulia983@gmail.com

[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.8.43695

EDN:

VGQJ TZ

Дата направления статьи в редакцию:

28-07-2023

Дата публикации:

04-08-2023

Аннотация: В статье приводятся литературоведческие, социологические и культурологические точки зрения на проблему литературного канона, описываются механизмы канонизации и определяются границы «русской классики». Обнаруживается связь между текстами, претендующими на статус в канонической иерархии, и вопросом национальности. Устанавливается, что конструирование как национального автопортрета, так и образа иностранца (Другого), являются важнейшими функциями классического канона. Объектом данного исследования выступает единое дискурсивное поле русской классической литературы. Предметом — тот обобщенный образ немца, который этим полем репрезентируется. С обращением к актуальным исследовательским практикам анализа дискурса устанавливается, что портрет немца строится на таких концептуальных категориях как: 1) связь с землей, почвой и естеством, 2) связь с корнями, 3) опора на действительность и «приземленность», 4) планирование, 5) позитивизм и подчинение, 6) восприятие жизни как механизма. Конструирование Другого создает в структуре классического текста оппозицию с «русским» и выстраивает

череду бинарных пар: обусловленность наследственностью / свобода, устойчивость на почве / способность к прыжку, четкое планирование / мечтательность, законничество / пасхальность, самовозвеличивание / самоумаление, безбожие / православие. Выявляется, что герой-немец выступает в качестве конституирующего Другого, провоцирующего самоопределение и самоидентификацию.

Ключевые слова:

литературный канон, классическая литература, нация, Другой, ментальная география, иностранец, немец, русский, позитивизм, пасхальность

Введение

Сегодня понятие «литературного канона» активно разрабатывается литературоведением, социологией и науками о культуре (cultural studies). Исходным пунктом в процессе построения теории канонизации выступало широкое определение канона, подразумевающее «перечень, список, собрание, множество текстов / авторов, считающихся образцовыми, самыми ценными, ключевыми для данной национальной литературы и / или культуры» [\[1, с. 330\]](#). Однако обращение теоретиками внимания на структуру канонического списка («твердого», устоявшегося и институализированного центра и гибкой, изменчивой, «размытой периферии» [\[1, с. 332\]](#)) заставило отойти от взгляда на канон как на синхроническое и неизблемое единство в сторону изучения диахронического процесса его становления. Новая оптика дала возможность выделения механик канонизации, а привлечение теории П. Бурдьё [\[2\]](#) позволило рассмотреть отношения «ядра» и «периферии» как отражения «иерархии культурных ценностей» общества, на вершине которой находятся представления элитарных групп [\[3\]](#). «Иными словами, проблема канона — это проблема определенных групп элиты и институционализации их ценностей» [\[4, с. 67\]](#). Легитимация ценностей привилегированной группы осуществляется с опорой на различные институциональные практики. И. Н. Сухих отмечает среди них 1) мнения критики; 2) издательскую деятельность; 3) школьное и вузовское преподавание; 4) историко-литературные исследования; 5) научные и просветительские акции [\[1, с. 331-332\]](#).

Так как описанные практики трансформируют тексты, претендующие на «попадание» в канон [\[3\]](#), то сущностное содержание понятия значительно расширяется. Под ним начинают подразумевать не только списки авторов и произведений, но и устоявшиеся правила интерпретации [\[4, с. 36\]](#), придающие тексту «онтологический характер» [\[3\]](#) и опирающиеся на поддержку самых разных социальных институтов, но прежде всего — школы. Именно здесь приобретаются как знание самого «стандартизированного набора общепризнанных авторов» [\[4, с. 39\]](#), так и комплекс приемлемых интерпретативных моделей. Сформированный школой канон впоследствии выступает «свидетельством начитанности» и нормой, которую общество ждет от индивида [\[4, с. 39\]](#). Несмотря на то, что он жестко контролируется [\[4, с. 41\]](#) и фиксируется, в нем также выделяют статичный «центр» и гибкую «периферию». В его ядре располагается «классика» (литература к. XVIII-XIX вв.), на периферии — новая и новейшая литературные традиции. Периферийное положение списка XX-XXI вв. в системе школьного обучения порождает его частые изменения [\[1, с. 334\]](#). При этом классический перечень и модели его

приемлемых интерпретаций демонстрируют небывалую устойчивость.

С утверждением классического канона исследователи связывают 1) временное совпадение текста с историческим периодом империи как «воплощенной незыблемости» [4, с. 16], 2) стремление к унификации национального опыта и репрезентация национального целого [4, с. 66], 3) дистанцированность от практического [3], 4) оппозиционность другим группам литератур (например, модерну) [5, с. 38], [4, с. 28]. Приведенные положения заставляют прийти к заключению, что и классический литературный канон также имеет двухуровневую структуру. Его центром становится XIX в., в то время как XVIII в. уходит на относительную периферию. Также отметим, что смоделированное исследователями ядро «классики» выстраивается не вокруг текстов, а вокруг авторитетности авторов. Таким образом, совокупность всех произведений В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, Ю. М. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова [4, с. 72] осознается обществом как центр классического канона, в котором статус текста определяется репутацией фамилии.

Другой в дискурсе русского классического литературного канона

На уровне формирования (отбора фамилий и наделения их авторитетом) классический канон связан с вопросом нации. «Проблема литературного канона — это прежде всего проблема канона национального, канона национальной литературы. Она обозначается, обсуждается, становится предметом конкуренции и борьбы в определенной социально-исторической ситуации, когда инициативные культурные группы, кандидаты в элиту мобилизуются для строительства национального государства, репрезентации национального целого, для развития, упорядочения, кодификации национальной культуры» [4, с. 66]. Способы написания новых и интерпретации утвердившихся текстов, претендующих на статус в канонической иерархии, таким образом, начинают выстраиваться вокруг попыток унификации разнородного опыта и его репрезентации как цельного национального самосознания. Опираясь на теорию Б. Андерсона, можно добавить, что в какой-то мере функцией классического канона является «воображение» нации как «образа общности», ведь в реальной повседневности практическая встреча с ней «в общем» невозможна: «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности» [6, с. 31].

По этим причинам попытки конструирования национального портрета и характера становятся важнейшими элементами художественной структуры произведений классической литературы. Одной из механик по созданию собственного национального автопортрета является введение в диегетическое пространство текста фигуры конституирующего Другого. Э. Саид, внесший значительный вклад в разработку теории другоизации (the othering), продемонстрировал, что «все культуры склонны существенным образом трансформировать другие культуры, воспринимая их не такими, какие они есть, но такими, какими они должны быть» [7, с. 106], при том, что важнейшей целью подобной трансформации становится построение собственной идентичности [8, с. 192], [9, с. 84], [10, с. 152]. Продолжая исследования воображаемой географии, Л. Вульф также рассматривает сконструированного Другого как «вспомогательную половину» Я [11, с. 35], ведь описание и концептуализация Себя строятся на противопоставлении с Другим. Сходные теоретические конструкции можно встретить и в исследованиях Б.

Андерсона. По его мнению, индивидам возможно вообразить себя нацией, лишь осознавая границы, «за пределами которых находятся другие нации». «Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством» [\[6, с. 32\]](#), а потому ей необходимо знание о Другом.

Таким образом, конструирование образа иностранца ради создания национального автопортрета является естественной характеристикой классического текста. Стоит отметить, что для выполнения данной задачи русские авторы часто прибегали к моделированию образа немца. Такая статистика не случайна, ведь «из западноевропейских народов в данный период времени именно с немцами у русских были наиболее интенсивные контакты» [\[10, с. 152\]](#). Анализ единого дискурсивного поля русской классической литературы позволит выявить те смысловые аспекты, на которых строится обобщенный образ немца и его отношения с русской действительностью. Сопоставление выделенных характеристик чужестранца с атрибутами русской культуры и ментальности (также сконструированными) помогут выявить механики другоизации немецкой нации в рамках классического дискурса.

Связь с землей и естеством

Конструирование образности немца в русском классическом литературном каноне зачастую выстраивается вокруг метафорики *земли* (почвы, грязи, глины, подземных недр и перегноя). Архетип перегноя, «назема» и навоза же отсылает к смежной теме *естества*, витальности и жизненных сил [\[12\]](#). В ряде текстов, где персонаж-немец является управляющим, подобная связь задается напрямую портретными деталями. Тогда герой предстает «в сале, в навозе [*здесь и далее курсив мой*], с красно-грязными, загрубевшими руками», с жизнью, проходящей «между брюквой и картофелем, между рынком и *огородом*» (Гончаров, т. IV, с. 156). Таковым Гончаров рисует портрет отца Штольца, развивая символику земли в образе немца, возившего сына «посмотреть какую-нибудь *глину*, которую возьмет на палец, понюхает, иногда лизнет, и сыну даст понюхать, и объяснит, какая она, на что годится» (там же).

Однако наиболее часто подобная связь выстраивается опосредованно через профессиональную принадлежность персонажа. Так, род деятельности немца может быть связан с фабричным или заводским делом как у чеховских Адольфа Бруни («Учитель») или Ивана Швей («Добрый немец»), а также производством / обслуживанием сельскохозяйственной техники как у Пекторалиса (Лесков, «Железная воля»). Образность этого типа немцев, окруженных «медными и железными опилками» (Гоголь, т. III, с. 37) также выстраивается вокруг упомянутого архетипа. На связь мастеров-немцев с символикой земли указывал еще Г. Гачев: «Что есть железо? Это стихия "земли", проведенная через стихию "огня"», под которой он понимал промышленную индустрию [\[13, с. 70\]](#). Образность земли, в данном случае, раскрывается через глубинный уровень ее «недр». Схожим способом выстраивается образность и чеховского Артура Имбса, горного мастера, грезящего русским каменным углем («Горный уголь»). Отметим, что мотив подземных недр в совокупности со «стихией огня» развивает еще одну типичную для русского классического канона тему связи немца и «дьявольского наваждения, inferнальной силы», где иностранец предстает как «символическое inferнальное существо» [\[14, с. 130-131\]](#).

Также часто встречаемый в каноне тип профессиональной принадлежности немца, — обувное дело. Сапожниками являлись и пушкинский Готлиб Шульц («Гробовщик»), и гоголевский Гофман («Невский проспект»). Метафорически символика обуви также

отсылает к почве и опоре на землю. Интересно, что данная тема кочует от сапожников к представителям других профессий. Так, формально не связанный с обувью «жестяных дел мастер Шиллер» на протяжении повести работает лишь над шпорами для сапог. Также отмечается, что типичный немец «скроен как будто из *сапожной* кожи» (Гончаров, т. IV, с. 155), а «зоологические признаки» нации таковы, что «и в немце-генерале пропасть *сапожнического*» (Герцен, т. XIV, с. 149). Кроме того, отмеченный мотив опоры на землю имеет свойство к трансформации — переходу от обуви к ступням и фиксации на ногах при конструировании «немецкого»: «В “Пропавшей грамоте” [Гоголя] герой встречает смешных чертей на *немецких ножках*, а в “Майской ночи” винокур предполагает, что нетрезвый пан голова будет писать *ногами* немецкие крендели по дороге» [\[15, с. 87\]](#).

Наконец, наиболее распространенная в классическом дискурсивном поле немецкая профессия — доктор. Ее представителями были чеховские Миллер («У постели больного»), Иван Адольфович («Цветы запоздалые»), Фон Штерк («Страдальцы»), гоголевский Гибнер («Ревизор»), Рутеншиц Достоевского («Двойник»), а также череда безымянных персонажей, эпизодически возникающих в структурах классических текстов. Частным ответвлением такого типа выступают зоологи и ботаники, как например фон Корен, герой повести «Дуэль» Чехова. В разговоре о данном типе отметим, в первую очередь, прямую связь с естеством, ведь такие герои непрестанно «щупают пульс», «похлопывают» и «постукивают ложечкой» по телу, то есть находятся в непосредственном и близком контакте с естеством и жизненными силами. Однако интереснее обратить внимание на восприятие традиционно немецких профессий доктора и зоолога «русскими». В высказываниях по типу «*не особенно чистое*» ремесло. «Вечно в разной разности *колается*» (Чехов, т. I, с. 357), «занимаются муравьиными усиками и таракаными лапками» (Чехов, т. VI, с. 419) обнаруживаются все те же мотивы земли и почвы, навоза и естества.

Еще одна распространенная среди немцев профессия гувернера и учителя, на первый взгляд, не связанная с темой напрямую, при ближайшем рассмотрении все же соотносится с ней. Коллекция книг Карла Иваныча («Детство») насчитывала всего три книги, первой из которых стояла немецкая брошюра «об *унавоживании* огородов под капусту» (Толстой, т. I, с. 13). Нельзя не отметить, что научные интересы немцев в принципе часто строятся вокруг данного мотива. Так, Петр Иванович («Обыкновенная история»), неслучайно предлагает племяннику осуществить перевод именно «с *немецкого* языка важных статей о *назёме* (т.е. о навозе)» [\[16, с. 128\]](#).

Продолжением темы витальности и естества является описание телесности героев-немцев, насыщенное физиологическими, почти зоологическими, деталями: «немка как немка — большая, очень, по-видимому, здоровая» (Лесков, т. VI, с. 34), «весь составлен из костей, мускулов и нервов, как кровная английская лошадь» (Гончаров, т. IV, с. 161), «он был доволен <...> широкими плечами, которые служили очевидным доказательством его хорошего здоровья и крепкого сложения» (Чехов, т. VI, с. 393), «дышащее здоровьем тело», «толстая, краснощекая Розалия Карловна» (Чехов, т. III, с. 107), «высокий, плотный человек» (Достоевский, т. I, с. 227) и т.д.

Семейственность и наследственность

Земля и почва архетипически созвучна с образом корневища, связанным с кровным родством, аспектом семейственности [См.: 10, с. 156] и нацией. «Немецкость», таким образом, непременно передается по наследству, а семья и сама наследственность

выступают высшей сакральной ценностью [\[10\]](#), [17–18]. В классическом каноне немец репрезентируется как персонаж, убежденный 1) в необходимости продолжения колеи отцов, а также 2) в абсолюте механизма кровной преемственности и наследственности, не дающем сбоев. Первое убеждение эксплицируется в подобных оборотах: «взял колею от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука и был покоен» или «когда он сам кончил курс ученья, то отец отослал его от себя. И он отослал сына — таков обычай в Германии» (Гончаров, т. IV, с. 158), «Мейн фатер показаль крокодиль, мейн grosфатер показаль крокодиль, мейн зон будет показать крокодиль, и я будет показать крокодиль!» (Достоевский, т. V, с. 206) или «у меня железная воля; и у моего отца, и у моего деда была железная воля» (Лесков, т. VI, с. 16). Второе, — в заявлениях, отрицающих свободу воли будущих поколений в выборе судьбы и прогнозирующих перешедшие к потомству качества: «не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню» (Пушкин, т. VI, с. 226), «вредоносность его заключается прежде всего в том, что он имеет успех у женщин и таким образом угрожает иметь потомство, то есть подарить миру дюжину Лаевских, таких же хилых и извращенных, как он сам» (Чехов, т. VI, с. 399), «железная воля, которая в соединении с собственной железною волею Пекторалиса должна была произвести чудо в потомстве» (Лесков, т. VI, с. 34).

Подобные убеждения формируют такие психологические особенности немца как 1) чувство долга перед «отцами» в продолжении «колеи», перерастающее в ответственность перед условными предками, т.е. нацией: «ему перед своею нацией стыдно» (Лесков, т. VI, с. 68), 2) сакрализацию домашнего очага, выполняющего функцию «ахронного идиллического микромира» [\[10, с. 156\]](#), [17–18]. Кроме того, непереносимая передача «немецкости» по наследству приводит к мифу о гомогенности целой нации: «Андрей Антонович фон Лембке принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всею своею массой *один строго организованный союз*» (Достоевский, т. X, с. 241).

Реалистичность и устойчивость

Связь с почвой и землей получает дальнейшее развитие в метафорическом «заземлении», устойчивой опоре на реальность, повседневность и быт. Подобный мотив раскрывается в противопоставлении способного на прыжок в пропасть и отрыв от бытовой жизни русского и остающегося в неподвижности немца, который не может «вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну или стену, и если нет верного средства одолеть, он отойдет, что бы там про него ни говорили» (Гончаров, т. IV, с. 164). Русские «авоська с небоськой» могут «кинуться, когда надобно, и в огонь и в воду», пока «аккуратные и бесталаные» немцы выбирают практичность (Лесков, т. VI, с. 11). В конечном счете подобная «приземленность» предстает как неспособность на чувственные порывы и страсти. Вспомним Штольца, который «и среди увлечения чувствовал землю под ногой», культивировал «сдержанность от порывов», не верил «в поэзию страстей» и рассуждал о том, что «ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них» (Гончаров, т. IV, с. 163). Или же вспомним немку Розалию Карловну («Нервы»), которая не расположена к чувствительности настолько, что приняла «эмоциональный порыв Васина, вызванный стремлением хоть с кем-то поговорить ночью, за домогательства» [\[19\]](#). Портрет Шиллера, персонажа повести «Невский проспект» Гоголя, также демонстрирует неспособность немца к глубокому интенсивному переживанию. Противопоставленный художнику Пискареву за счет смежных сюжетных

функций образ Шиллера выражает ограниченную приземленность и посредственность [См. Таблица 1].

Таблица 1. Функции художественных персонажей

функции	Пискарев	Шиллер
чувственная	страстно влюбился с первого взгляда	бесстрастно проводит время с женой по графику
эстетическая	восхищается женской красотой	равнодушен к женской красоте
профессиональная	художник	ремесленник
способность на порывы/приземленность	порезал вены несчастной любви	хотел отрезать нос, чтобы тратить меньше денег на табак

Планирование и расчет

Приземленность и реалистичность тесно связаны с стремлением к 1) планированию и упорядочиванию, 2) составлению смет и графиков. Буквально каждый немец, репрезентируемый русским классическим литературным каноном, имеет план, возведенный в культ [17, с. 235]: «у меня с Кларинькой так было положено, что когда у меня будет три тысячи талеров, я буду делать с Кларинькой нашу свадьбу <...> а когда я сделаюсь хозяином, тогда мы совсем как нужно женимся» (Лесков, т. VI, с.38), или же «поедешь верхом до губернского города <...> Там получи от Калинникова триста пятьдесят рублей, а лошадь оставь у него. Если ж его нет, продай лошадь; там скоро ярмарка: дадут четыреста рублей и не на охотника. До Москвы доехать тебе станет рублей сорок, оттуда в Петербург — семьдесят пять; останется довольно. <...> у меня есть некоторый капитал; но ты прежде смерти моей на него не рассчитывай, а я, вероятно, еще проживу лет двадцать» (Гончаров, т. IV, с. 159), или же «через два года, когда у меня будут готовы средства и люди, я отправлюсь в экспедицию <...> пройду берегом от Владивостока до Берингова пролива и потом от пролива до устья Енисея. Мы начертим карту, изучим фауну и флору и обстоятельно займемся геологией, антропологическими и этнографическими исследованиями» (Чехов, т. VI, с. 410) и т.д.

Такие характеристики ярким образом противопоставлены портрету русской ментальности, разворачивающемуся в рамках классического дискурса. Планы русских чаще деструктивны и либо связаны 1) с финансовыми махинациями / преступлениями (Чичиков, Раскольников, Бендер), либо 2) обречены на несбыточность (Обломов, Райский, Прозоровы, Актер), так как являются лишь мечтами. Немец же боится «всякой мечты» (Гончаров, т. IV, с. 162), а при озвучивании планов использует не условный союз «если», а временной «когда» [17, с. 235], что свидетельствует об абсолютной уверенности в достижении цели.

Следствием необходимости исполнить план становятся расчетливость и составление смет. Немец «без расчета шагу не ступит» (Лесков, т. VI, с. 6) и каждый рубль будет тратить «с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем» (Гончаров, т. IV, с. 161). Только лишь герой «Железной воли» Пекторалис получил надбавку к жалованию, так «сейчас же присел к столу и начал что-то высчитывать» (Лесков, т. VI, с. 19). Главной характеристикой, которую дает Томский Германну, выступает фраза: «Германн немец: он расчетлив, вот и всё!» (Пушкин, т. VI, с. 211). Русским окружением такая расчетливость считается как скупость [14, с. 127], а убежденность в достижении цели представляется как самоуверенность, ведь она не допускает божественного вмешательства [17].

Держать слово

Ответственность перед нацией и стремление к достижению цели «во что бы то ни стало» приводят немца к маниакальности в исполнении обещанного. Чужестранец раскрывается человеком, для которого «все, что он раз себе сказал, должно быть сделано»: «это было необходимо нужно; у нас было такое условие, чтобы я ехал не останавливаясь,— и я еду не останавливаясь. Я такой человек, который всегда точно исполняет то, что он обещал» (Лесков, т. VI, с. 15). Маниакальное целедостижение немца конструирует и Гоголь в повести «Невский проспект»: «еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже Шиллер измерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае, не делал исключения. Он положил вставить в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить свое слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество, и хотя оставался иногда несколько голодным, но, однако же, привыкал к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп (Гоголь, т. III, с. 41–42).

Стоит отметить, что немецкое «педантическое отправление обязанностей» (Гончаров, т. IV, с. 155) нередко доходило «до повреждений в самом своем организме» (Лесков, т. VI, с. 22) и считывалось носителями русской культуры как самолюбование, бессмысленное законничество и фарисейство: «можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу. Нет, так и ломают эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам» (Гончаров, т. IV, с. 154).

Позитивизм и подчинение

В литературном каноне второй половины XIX в. описанные выше характеристики получают значительное расширение. Присутствующие и ранее заземленность и реалистичность, склонность к точности, измерениям и расчетам, представления о том, что «то, что не подвергалось анализу опыта, практической истины» представляет лишь «оптический обман» (Гончаров, т. IV, с. 162) теперь начинают раскрывать «хваленую немецкую ученость» [\[19\]](#) в форме позитивистской ментальной установки. И в профессиональной, и в личной жизни чужестранец «глядит» на объект «внимательно, не мигая, точно изучает» (Чехов, т. VI, с. 453), а также создает «немало наблюдений и заметок» об окружающей действительности (Лесков, т. VI, с. 18). Стоит отметить, что подобное мировоззрение неоднократно осмыслялось теоретиками истории науки как система подчинения и насильственного искажения того объекта, над которым в рамках властного дискурса происходит расчет [\[20–21\]](#). Воля к исследованию, таким образом, становится волей к покорению [\[18, с. 235\]](#). Подобный мотив в отношении персонажей-немцев неоднократно эксплицитно проговаривался: «я буду всё подчинять» (Лесков, т. VI, с. 15), «натура твердая, сильная, деспотическая», (Чехов, т. VI, с. 425), «привык повиноваться высшим и повелевать низшим» (Тургенев, т. VIII, с. 270). Так, зоолог и позитивист фон Корен превращается в деспота: «прежде всего деспот, а потом уж зоолог» (Чехов, т. VI, с. 426), «типажный доктор-немец [Рутеншиц] — в «символического экзекутора» [\[14, с. 128\]](#), а Клубер «высказывает претензии к самой

природе» [\[10, с. 153\]](#) и требует от ручья изменения русла. Одним словом, образ немца выстраивается вокруг его личного требования к тому, «чтобы окружающие и сама жизнь подчинились его доктринерским воззрениям — религиозным, идеологическим, моральным или эстетическим» [\[8, с. 192\]](#). Знаменитая немецкая чистоплотность же начинает проявляться как подчинение русского пространства [\[8, с. 194\]](#), [\[10, с. 158\]](#), [\[18, с. 238\]](#) и его преобразование в соответствии с личным планом.

Интересно, что импульс немца к подчинению и покорению обращен не только на русское пространство, язык [\[10, с. 158\]](#) и культуру, но и на собственную субъектность [\[18, с. 242\]](#). Сконструированный русской классической литературой герой-немец тренирует личную выносливость и дисциплину, а также отличается тягой к тому, чтобы ставить на себе эксперименты: «я смотрю, что со мною делают» (Лесков, т. VI, с. 15). Такая особенность также начинает трактоваться как самовосхваление, в противоположность типично русскому «самоумалению» [\[22, с. 173\]](#).

Жизнь как механизм

Все вышеперечисленные аспекты свидетельствуют о том, что персонаж-немец воспринимает жизнь как четкий, не дающий сбоев механизм. Работа такого механизма обеспечивается 1) за счет отсутствия излишек: «движений лишних у него не было. Если он сидел, то сидел покойно, если же действовал, то употреблял столько мимики, сколько было нужно» (Гончаров, т. IV, с. 161) и 2) за счет установления причинно-следственной логики в мотивации к любым поступкам и отсутствия «действий ради самих действий»: «Клюбер вернулся, объявил, что через полчаса обед будет готов, и предложил до тех пор поиграть в кегли, прибавив, что это очень хорошо для аппетита» (Тургенев, т. VIII, с. 283).

Описанная установка ярким образом проявляется в отношении немца к людям. Высказывания по типу «всякий, кто беден, сам в этом виноват» (Лесков, т. VI, с. 51), «в интересах человечества и в своих собственных интересах такие люди должны быть уничтожаемы» (Чехов, т. VI, с. 401), «причину всякого страдания приписывал самому себе» (Гончаров, т. IV, с. 161) выражают его убежденность в том, что глубина человеческой личности упорядоченна, понятна и рационально постигаема. Такая установка задает оппозиционные отношения с важнейшими категориями русской культуры: пасхальностью и благодатью [См.: 23]. В данной парадигме немец предстает носителем «рацио» и «закона» и противостоит православной картине мира. Не зря важнейшей репликой Пекторалиса становится: «У нас, Дмитрий Ерофеич, не божатся» (Лесков, т. VI, с. 30). В этом отношении, нельзя пройти и мимо другого его высказывания: «Никаких грешков у меня не было, нет и не может быть», которое, по утверждению Красильниковой, совершенно «не вписывается в православную традицию, поскольку православный не может помыслить себя без греха» [\[22, с. 172\]](#).

Заключение

Образ немца, создаваемый русским литературным канонem, строится на таких концептуальных категориях как: 1) связь с естеством и почвой, 2) связь с корнями, 3) опора на действительность и «приземленность», 4) планирование, 5) позитивизм и подчинение, 6) восприятие жизни как механизма. В структуре классического литературного дискурса персонаж-немец выполняет роль конституирующего Другого, создавая такого рода характеристиками оппозиционные отношения с самостью «русского». Таким образом, выстраивается череда бинарных пар, конструирующих обе

нации. Среди них: обусловленность наследственностью / свобода, устойчивость на почве / способность к прыжку, четкое планирование / мечтательность, законничество / пасхальность, самовозвеличивание / самоумаление, безбожие / православие.

Библиография

1. Сухих И.Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т.17, № 3. С. 329–336.
2. Бурдые П. Поле литературы // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 365–472.
3. Ямпольский М.Б. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. С. 214–221.
4. Дубин Б. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
5. Михайлова М.В. Классика versus... // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2011. №1(9). С. 38–51.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
7. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунов. СПб.: «Русский Миръ», 2006.
8. Цинк А. Деконструкция национального дискурса в творчестве Н.С. Лескова // Филология и культура. 2017. №4(50). С. 191–196.
9. Абрамова В.С. Образ иностранца в прозе А. П. Чехова: переосмысление этностереотипов // Мировая литература в контексте культуры. 2017. №6(12). С. 84–90.
10. Жданов С.С. Немецкость как воплощение порядка в русской литературе: от Н. В. Гоголя до С. Черного // Вестник СГУГиТ. 2015. №2(30). С. 151–163.
11. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
13. Гачев Г.Д. Германский мир и ум глазами русского // Вопросы литературы. 1997. № 6. С. 66–85.
14. Константинова Н.В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф.М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 126–133.
15. Канарская Е.И. Стереотипизация немецкого менталитета в творчестве Н.В. Гоголя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2(2). С. 87–92.
16. Орлов А.А. Образ Западной Европы в сознании русских писателей XIX века: Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т.13. №1. С. 121–140.
17. Жданов С.С. Немец как герой пути (по повести А.П. Чехова «Дуэль») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 232–247.
18. Жданов С.С. Национальность героя как элемент художественной системы (немцы в русской литературе XIX века). Дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
19. Крюкова О.С. Немцы и «немецкое» в раннем творчестве А.П. Чехова // А.П. Чехов и

- мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. 2009. С. 89–84.
20. Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
21. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004.
22. Красильникова О.С. Литературный стереотип как источник изучения национального характера // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 1. С. 171–175.
23. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Репрезентация немца в дискурсивном поле русского классического литературного канона», в которой проведено исследование путей моделирования образа иностранца в целях создания образа национального характера.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что классический канон связан с вопросом нации, а, следовательно, попытки конструирования национального портрета и характера становятся важнейшими элементами художественной структуры произведений классической литературы. Автор поясняет выбор предмета исследования, т.е. представителя немецкой нации тем, что в период написания произведений, составляющих важный пласт, ядро русской классики именно с немцами у русских были наиболее интенсивные контакты.

К сожалению, из материалов исследования затруднительно сделать вывод об актуальности, научной новизне и практической значимости исследования. Теоретическим обоснованием послужили труды таких исследователей как Э.В. Саид, М. Фуко, П. Бурдьё, О.С. Красильникова, В.С. Абрамова, Е.И. Канарская и др. Эмпирическим материалом послужили произведения В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Ю.М. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.П. Чехова. Методологическую базу составил комплексный подход, включающий общенаучные методы анализа и синтеза, а также компаративный, контент-анализ и художественный анализ текста.

Целью работы является выявление смысловых аспектов, на которых строится обобщенный образ немца и его отношения с русской действительностью путем анализа единого дискурсивного поля русской классической литературы. Для достижения цели автор ставит задачу сопоставить выделенные характеристики чужестранца с атрибутами русской культуры и ментальности, что поможет выявить механики другоизации немецкой нации в рамках классического дискурса.

Автором раскрыта сущность феномена литературного канона как перечня, списка, собрания, множества текстов / авторов, считающихся образцовыми, самыми ценными, ключевыми для данной национальной литературы и / или культуры, который позволяет сформировать и легитимизовать систему ценностей. Как отмечает автор, классический литературный канон имеет двухуровневую структуру. Его центром становится XIX в., в то время как XVIII в. уходит на относительную периферию. Смоделированное исследователями ядро «классики» выстраивается не вокруг текстов, а вокруг авторитетности авторов.

Проведя детальный анализ русских классических произведений, автор приходит к заключению, что образ немца, создаваемый русским литературным каноном, строится на таких концептуальных категориях как: 1) связь с естеством и почвой, 2) связь с корнями, 3) опора на действительность и «приземленность», 4) планирование, 5) позитивизм и подчинение, 6) восприятие жизни как механизма. В структуре классического литературного дискурса персонаж-немец выполняет роль конституирующего Другого, создавая такого рода характеристиками оппозиционные отношения с самостью «русского». Таким образом, автором выстраивается череда бинарных пар, конструирующих обе нации. Среди них: обусловленность наследственностью / свобода, устойчивость на почве / способность к прыжку, четкое планирование / мечтательность, законничество / пасхальность, самовозвеличивание / самоумаление, безбожие / православие.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье. Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение влияния литературных произведений на формирование национального характера и системы ценностей определенной культуры представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 23 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.